

Государство династии Шэн было отвоевано шаг за шагом прошлым императором.

Поэтому люди невольно сравнивали нынешнего правителя с покойным государем: чье правление было мудрее, при ком налоги меньше, а времена — спокойнее. Впрочем, императоров народ не выбирает, и подобные сравнения — лишь повод почесать языками после еды.

Конечно, такие разговоры велись за закрытыми дверями, в кругу семьи. Никто не осмелился бы выносить их на улицу. Как-никак, оба Сына Неба династии Шэн были людьми суровыми.

Лишь зимой, во время ежегодных жертвоприношений Небу, когда народ мог мельком взглянуть на проезжающий кортеж императора, простолюдины хвастались друг другу: Наш император до чего же величествен! Глядишь, и наступит при нем мирная жизнь. Чего еще может желать простой люд?

Но в душе самого императора, возможно, зрели совсем иные мысли.

— Ваше Величество... на нижнем течении Янцзы недавно вновь обнаружили две банды небесных разбойников, бесчинствующих на границе... это... — старый премьер-министр, служивший еще двум императорам, до сих пор не мог поверить, что, глядя на нового правителя, взошедшего на трон три года назад, у него все еще подкашиваются ноги.

Но в ответ старик слышал лишь тишину. Император полулежал на троне, не проронив ни слова, лишь холодно глядя на премьера, который так разнервничался, что готов был вытирать пот с лица рукавом.

— Ваше Величество... — сердце дракона не постичь... К тому же от этого императора всегда исходил такой холод, какого не было у покойного государя. Не зря говорят: общение с императором подобно игре с тигром.

— Господин Сун, вам в этом году, кажется, шестьдесят восемь? — человек, сидящий высоко над всеми, слегка приподнял бровь и произнес прохладным тоном слова, не имеющие никакого отношения к докладу о границе.

— Не смею лгать, Ваше Величество, в этом году мне исполняется семьдесят. — К чему это... какое отношение это имеет к беспорядкам на рубежах?

— Уже семьдесят... Пора бы подумать о том, чтобы вернуться домой и нянчить внуков.

— Старый слуга не посмеет! Я готов служить Вашему Величеству до последнего вздоха... — Разве это не означает прямого приказа уйти в отставку? Старый император когда-то... эх...

— Неужели? Я, конечно, во многом полагаюсь на старого премьера. Например... может, вы съездите вместо меня на северную границу и «попросите» вернуться Великого генерала, утверждающего величие, который отказывается исполнять мой указ? — Голос императора стал выше, а недовольство в нем — отчетливее.

— Слуга в страхе... — кроме этой фразы, он не смог подобрать иных слов. Теперь-то он понял: проблема в Юэ Инъяне, который не возвращался из военного похода уже больше года.

Юэ Инъян, чиновник второго ранга, лучший выпускник военного экзамена при покойном императоре, сын генерала Юэ Чуаня. Получив звание Великого генерала, утверждающего величие, год назад он добровольно вызвался отбить у киданей важный пограничный город.

Кто бы мог подумать, что он уйдет и не вернется! Под предлогом укрепления обороны он оттягивал возвращение, хотя о прекращении боевых действий докладывали еще полгода назад. И пусть его Армия Орла все это время не просила у казны провианта, удержание печати генерала при нежелании вернуться в столицу — тяжкое преступление!

Полгода назад император в гневе послал три золотых жетона с приказом, но даже сегодня утром вестей с фронта так и не было.

— Бао Да! — император выкрикнул имя, и каждый, кого не назвали, в душе перекрестился.

— Слушаю, Ваше Величество. — Бао Да вышел из строя и опустился на колени.

— Отправь четвертый золотой жетон! И пусть он вернется, чего бы это ни стоило!

— Слушаюсь. — Бао Да подумал, что нужно немедленно найти гонца. Жаль почтовых лошадей — им снова придется гнать до смерти.

— Езжай сам! Если он не вернется вместе с тобой, можешь не возвращаться. — Голос императора не был громким или нарочито мрачным, но Бао Да почувствовал, будто его окатили ледяной водой.

— Слуга... повинуется.

— Свободны. — Император махнул рукой, поднял полы халата и направился прочь.

— Почтительно провожа... — не успели придворные договорить, как снаружи раздался пронзительный голос евнуха:

— Великий генерал, утверждающий величие вернулся в столицу! Просит аудиенции!

Все замерли. Сначала дружно уставились на вход в зал, а затем обернулись к императору.

— Не видеть! — император даже бровью не повел, развернулся и ушел в тень за трон, словно не он только что приказывал доставить Юэ Инъяна.

Юэ Инъян, стоявший за воротами дворца в официальном мундире, горько усмехнулся. Он знал, что император сильно разгневан, но не ожидал, что тот будет вести себя как капризный ребенок.

Ладно, лучше уж сразу вернуться в Поместье генерала. Хун Яо наверняка устала от долгого пути, ей нужно отдохнуть.

Подумать только, отправляясь в поход, он и представить не мог, что вернется с женщиной. От мысли о Хун Яо на губах Юэ Инъяна невольно заиграла мягкая улыбка.

Хун Яо была особенной.

Она была одной из немногих женщин, не бежавших из отбитого городка. Точнее, в городке остались лишь они — несколько несчастных женщин, влачивших жалкое существование в Цветущем Павильоне Тансян. Но именно эти слабые создания смогли выжить там, где бежали даже крепкие мужчины. Когда он спрашивал, почему они не ушли, Хун Яо отвечала: пусть это бордель, но это единственный дом, который у них был, куда же еще бежать? Дом с собой не унесешь. Так они и выживали, петляя среди захватчиков...

Хун Яо была самой смышленной. Происходя из чиновничьей семьи, она была образованна, красноречива и учтива. Когда хозяйка Цветущего Павильона сбежала, именно Хун Яо взяла на себя руководство сестрами.

Юэ Инъян был покорен этими женщинами, даже не успев найти причину для восхищения.

Особенно когда увидел, что, не имея возможности прокормить себя, они пытались заботиться о брошенных собаках. Он рассмеялся, а затем... глубоко проникся к ним уважением.

Оказывается, ведя войну, он все же мог защищать таких людей? Оказывается, он не был бесполезен.

Позже Хун Яо стала его доверенным лицом. В день, когда он решил вернуться в столицу, он, не раздумывая, сказал: Хун Яо, поехали со мной.

Она промолчала, просто начала собирать вещи, а потом отправилась на юг, вместе с ним.

У него так и не нашлось случая спросить: Хун Яо, ты правда хочешь поехать со мной? Оставить дом, за который ты была готова отдать жизнь?

На второй день после возвращения в Вэйчэн Юэ Инъян официально предстал перед Сыном Неба.

Император, как обычно, был бесстрастен и высокомерен. Лишь изредка, слушая доклад о ситуации на границе, он приподнимал свою гибкую бровь. Ни расспросов, ни упреков не последовало.

Похоже, в его отсутствие этот ребенок еще лучше научился играть на публику, но так и не повзрослел! Такое поведение совершенно не подобает зрелому человеку. Тело выросло, а ума не прибавилось...

— ...на этом все, на границе воцарился мир. — Закончив доклад, Юэ Инъян поднял взгляд на императора, который явно что-то замышлял.

Остальные в зале боялись даже дышать, боясь, что шум воздуха нарушит покой государя.

— Это всё? — император выглядел нарочито ленивым. — Сяо Шуньцзы. — Даже жест рукой казался ему вынужденным действием.

— Юэ Инъян, внимли указу:

Милостью Неба, император повелевает: Великий генерал Юэ Инъян во время похода превысил полномочия, ослушался священного указа, действовал своевольно и дерзко, обманывал правителя — преступления его тяжкие!

Однако, помня о заслугах Юэ Инъяна в защите от врагов, я дарую ему жизнь, но наказания не избежать. Отныне он отстранен от всех должностей. Вернуться в поместье и ждать указа. После того как все прояснится, будет вынесено окончательное решение!

Сим кончается указ!

— Слуга принял указ и благодарит за милость. — Юэ Инъян остался спокоен, без подобострастия приняв волю государя.

— Совещание окончено. — Император даже не взглянул на него и неспешно удалился через боковую дверь.

Ха-ха, выходит, он все заранее спланировал. Стоило вернуться — и вот тебе демонстрация силы. Хорошо, что он не приказал казнить его на месте. Значит, какую-то привязанность еще сохранил, не так ли?

Но на этом все не закончится.

У Юэ Инъяна было предчувствие — нет, он был уверен! Император не отпустит его так просто...

— Господин, император вас не обидел? — стоило Юэ Инъяну войти в Поместье генерала, Хун Яо вскочила с кресла, поспешила навстречу и начала осматривать его, боясь, что его могли подвергнуть телесному наказанию.

— Успокойся, со мной все в порядке. Более того, я временно свободен и могу побыть дома с тобой, — улыбнулся Юэ Инъян и обнял её.

— Ты ждал меня все утреннее совещание? Твое лицо посинело от холода. Цзиньлань, принеси госпоже накидку. В Вэйчэне, хоть и не так сухо, как на границе, ветер кусается сильнее.

— Со мной все хорошо. А вы, господин? Неужели император так добр? Как он мог простить вам невозвращение в столицу? Хун Яо не из тех, кто не понимает серьезности ситуации.

— Раз у меня есть такая верная душа, как ты, о чем мне волноваться? Не забивай голову. — Сегодня его действительно никто не тронул, но что будет дальше — он не знал.

— Я поняла, господин. Чай уже заварен, греется на печи, я велю Цзиньлань подать его. — Хун Яо подняла полог, и её грациозная фигура скрылась за дверью.

Эх, единственное, что ему остается — ждать...

В Вэйчэне светало раньше, чем на севере. Юэ Инъян поднялся еще до начала совещаний, взял пылившийся без дела меч и вышел во двор.

Неужели мирная жизнь не для него? Тело совсем обмякло.

Он нанес резкий выпад, и один лишь свист клинка рассек воздух. Не дожидаясь, пока лезвие коснется цели, с высокого платана опали последние листья.

— Чик-чирик... — вдруг под мечом раздался писк птенцов. Юэ Инъян в испуге отдернул руку, но было поздно. В одно мгновение, погасив инерцию клинка, он легко взлетел на дерево и, перевернувшись в воздухе, подхватил птичье гнездо.

В гнезде, сплетенном из травы, сидели четыре голых птенца. Юэ Инъян огляделся — ни матери, ни других птиц. Видимо, улетела за кормом. Нужно вернуть гнездо на место.

Собравшись с духом, он встал на ту самую ветку, но с сомнением посмотрел на голый ствол... такой ловкости, как у матери-птицы, у него не было.

— Господин, завтрак готов, прошу вас, пока не остыл... — Хун Яо расставила посуду, подняла голову и нахмурилась.

Полы халата Юэ Инъяна, который утром был в полном порядке, исчезли, остались лишь мощные ноги в белых штанах.

Хун Яо чуть не упала в обморок... её господин снова вытворяет странные вещи...

А снаружи на дереве, в холоде, прочно привязанное к ветке полой халата, висело маленькое птичье гнездо.

Не успел он закончить завтрак, как его дважды вызывали в гостиную. Сначала прислали людей от родителей — узнать, не наказал ли его император (он велел передать, что все в порядке). Потом пришел Военный советник Лю с отчетами о пособиях солдатам и наградах — дело хлопотное, но требующее его личного участия.

Когда его позвали в третий раз, он был уже откровенно раздражен. Дадут ему поесть или нет?!

— Генерал Юэ. — Человек, сидевший в зале, при виде Юэ Инъяна с хмурым лицом поднялся и поклонился по всем правилам.

— Евнух Ли, вы же знаете, что я больше не генерал. Называть меня так — ставить в неловкое положение, — Юэ Инъян помрачнел еще сильнее. Это был тот, кого он ждал.

— Господин Юэ... вы же знаете, у слуги не было дурных мыслей, не ставьте меня в тупик. Тем более, лишение должности — это лишь временный гнев императора, через пару дней всё восстановят, а может, и повысят, — Евнух Ли склонил голову, боясь, что из-за разборок двух самых могущественных людей империи, которые грызутся из-за пустяков, он станет пеплом. К тому же, не было ни года, чтобы генерал не подрался с императором, но его не только не наказывали — наоборот, он постоянно рос в чинах. В этот раз, должно быть, будет так же.

— О, евнух Ли — не мой слуга. — Юэ Инъян вел себя так дерзко лишь потому, что Ли Цюаньшунь слишком много знал об их отношениях с императором, и от этого ему всегда становилось не по себе.

— Слуга остается слугой, хоть перед кем предстань. Не усложняйте мне жизнь, господин, переоденьтесь и скорее во дворец! Император ждет. — Знай слишком много секретов во дворце — это к добру не приведет. Вроде бы ты приближенный императора, все кланяются, а как доходит до дела — ты лишь тот, кто исполняет приказы, и голова с плеч может полететь из-за этих двоих!

Император никогда не принимал Юэ Инъяна в главном зале.

В северо-восточном углу Императорского сада стояла небольшая башня у самой стены. Слева от неё была калитка, которой никто не пользовался. Поэтому император и выбрал это место для «аудиенций».

Но сегодня Ли Цюаньшунь повел его не к башне, а к Кабинету. Юэ Инъян не стал спрашивать, просто последовал за ним.

Действительно, Кабинет... это решение говорило о том, что император всерьез разозлен... возможно, даже обезумел...

Он не был здесь больше года, но все осталось по-прежнему. Бумага, кисти, тушь — всё там, где

хозяин привык их видеть. На столе лежали развернутые доклады. Юэ Инъян почти видел, как император, услышав о его приходе, поспешно укрылся во внутренних покоях. Что ж, он может передохнуть и подождать. В чем-то император был непостижимо упрям.

Прошло время, достаточное, чтобы дважды выпить остывший чай, прежде чем занавес колыхнулся и император, медленно ступая, вошел в комнату и сел за стол.

— Преступный слуга Юэ Инъян приветствует Ваше Величество. — Как бы то ни было, формальности нужно соблюсти.

Юэ Инъян опустился на колени и принялся терпеливо ждать, но вдруг с досадой обнаружил, что хочет есть! Не в переносном смысле, а в самом прямом. Он вспомнил, что утром почти ничего не ел. Вспомнил булочки с лилией из ресторана Жунъюэ, которые для него купила Хун Яо, и её фирменный суп...

— Тебе так нравится стоять на коленях? Так продолжай! — император был в ярости. Любой видел бы, что мысли Юэ Инъяна сейчас где угодно, только не здесь! Он даже не услышал, что ему позволили встать! Игнорировать его до такой степени — это преступление!

Он лишь рассмеялся, развернулся и вышел. Он ждал его все утро, ждал покаяния, ждал просьбы о прощении! А что получил?!

Изначально он хотел лишь припугнуть его, но, похоже, тот настолько обнаглел, что перестал считать его императором! Похоже, старые «инструменты» нужно доставать из архива. Он должен напомнить Юэ Инъяну, кто он такой!

Прошло около часа? Юэ Инъян начал сомневаться, не забыл ли император о нем в своем гневе. В пустом Кабинете было так же пусто, как в его желудке...

Вдруг сзади послышался шелест одежды. Если это не мастер боевых искусств, то призрак. Но призраки не носят одежду. Среди его знакомых было не больше трех человек, способных двигаться так бесшумно. Так что, не дожидаясь, он понял, кто это.

Юэ Инъян подавил инстинкты защиты и стал ждать.

После короткого лязга металла Юэ Инъян в изумлении обернулся и обнаружил, что его руки плотно скованы золотыми цепями.

— Юэ, твое лицо сейчас... — поистине стоило потратить полчаса на поиски этого в ящике. Об этом ему знать не следовало. — Давно не пользовался, чувствуешь родство? — император вертел цепь в руках, время от времени угрожающе позвякивая.

Юэ Инъян опустил голову, предчувствуя недоброе.

— Говори, когда я перестал тебя сковывать? — и все еще делает эту кислую мину!

— Четыре года назад. — Великая милость, как он мог забыть! Ведь только четыре года назад его начали считать за человека!

— Всего четыре года... — и ты уже взобрался мне на голову! Стоило перестать держать тебя на привязи, как ты возомнил себя выше всех!

Император прошел мимо него к кушетке за столом. Юэ Инъян раздумывал, встать и пойти за

ним или ползти на коленях, но резкий рывок заставил его упасть на кушетку.

Что ж, это избавило его от мук выбора. Осталась только горькая усмешка...

— Сам залезешь или мне тебя пнуть? — император прищурился, глядя на Юэ Инъяна, который даже сейчас умудрялся улыбаться. Хотя он и был ненавистен, император понимал — именно в этой способности улыбаться в такой ситуации и крылось его очарование.

Получив разрешение, Юэ Инъян послушно поднялся с пола и сел на край кушетки.

Такое спокойствие снова разозлило императора. Неужели он не мог изобразить хотя бы каплю нервозности? Но прыгать на него сразу он не стал — не хватало еще выглядеть как похотливый мальчишка.

Император наклонился, медленно развязывая на Юэ Инъяне мундир, смакуя каждый дюйм. Раз уж он скован, можно делать всё, что вздумается.

Зрелое мужское тело, жаждущее ласки — Юэ Инъян не сопротивлялся, наслаждаясь каждым прикосновением. Не прошло и минуты, как в поту был уже сам император.

Он отстранился, нахмурившись. Почему все выглядит так, будто Юэ Инъян получает больше удовольствия, чем он сам? Это несправедливо.

Опираясь на руки, император отпрянул, и Юэ Инъян наконец смог вздохнуть. Но вспыхнувшее желание лишь затрудняло дыхание.

Ребенок капризничает... нужно задобрить его. Семь лет — срок достаточный, чтобы знать слабые места друг друга.

Когда Юэ Инъян с нужной силой, через халат, коснулся губами и языком его паха, император подумал: даже взрослый может позволить себе немного поторопиться. Юэ Инъян, полуобнаженный, с приоткрытыми губами, гибким языком, играющим на губах — всё это лишало остатков самообладания.

Результат поспешности: император перевернул Юэ Инъяна на кушетку, задрал ему бедра и без всякой жалости вошел в него!

— Медленнее... медленнее... — Юэ Инъян не мог отрицать своего обаяния, но, кажется, перегнул палку. Спина болела от падения, желудок сводило от голода, а император продолжал неистово бить вглубь, смешивая боль с невыносимым удовольствием... казалось, его сейчас вырвет!

— Уа! Э-э... — вот видишь... он предупреждал! Его все-таки вырвало!

— А! — вслед за этим раздался вскрик императора и проклятия, но Юэ Инъян уже не мог ни о чем думать. Последнее, что он помнил — как император несколько раз ударил его по ягодицам, он рефлекторно сжал внутренние мышцы, и вместе с волной жара по телу разлилось тепло. А потом... он повис на кушетке...

— ... — император смотрел на хаос вокруг и не мог поверить, что в итоге сам кончил! В человеке, которого вырвало, он не только вошел, но и, потеряв контроль, излился... Если кто узнает, где ему потом прятать лицо!

А самое непростительное! Этот человек не только без сознания, так он еще и умудрился кончить, не сдерживая себя!

Да чтоб тебя!

<http://bllate.org/book/21138/2144057>